

# Театральная Европа в Москве

Ольга ФУКС

Фотографии предоставлены пресс-службами фестивалей «Территория» и NET

ПОСИДЕТЬ В БИБЛИОТЕКЕ И ОДНОВРЕМЕННО ОБЛЕТЕТЬ ВЕСЬ МИР, ВЫСЛУШАТЬ ИСПОВЕДИ УМИРАЮЩИХ, ПРЯМО НА СПЕКТАКЛЕ ВЫУЧИТЬ НАИЗУСТЬ СОНЕТ ШЕКСПИРА, ПРОСЛУШАТЬ ТЕАТРОВЕДЧЕСКУЮ ЛЕКЦИЮ ЕЖА И ПАНЕГИРИК ГОЛУБЯ, ПРИЗНАТЬСЯ В ЛЮБВИ СИДЯЩЕМУ РЯДОМ СЛУЧАЙНОМУ СОСЕДУ — ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ ПРИШЛОСЬ СДЕЛАТЬ ЭТОЙ ОСЕНЬЮ ПОЧИТАТЕЛЯМ АКТУАЛЬНОГО ТЕАТРА В ЕГО РАСШИРЕННЫХ ПОЧТИ ДО БЕЗГРАНИЧНОСТИ ГРАНИЦАХ. В НАШЕМ ОБЗОРЕ — САМЫЕ ЯРКИЕ СОБЫТИЯ ОСЕННИХ ФЕСТИВАЛЕЙ TERRITORY И NET.

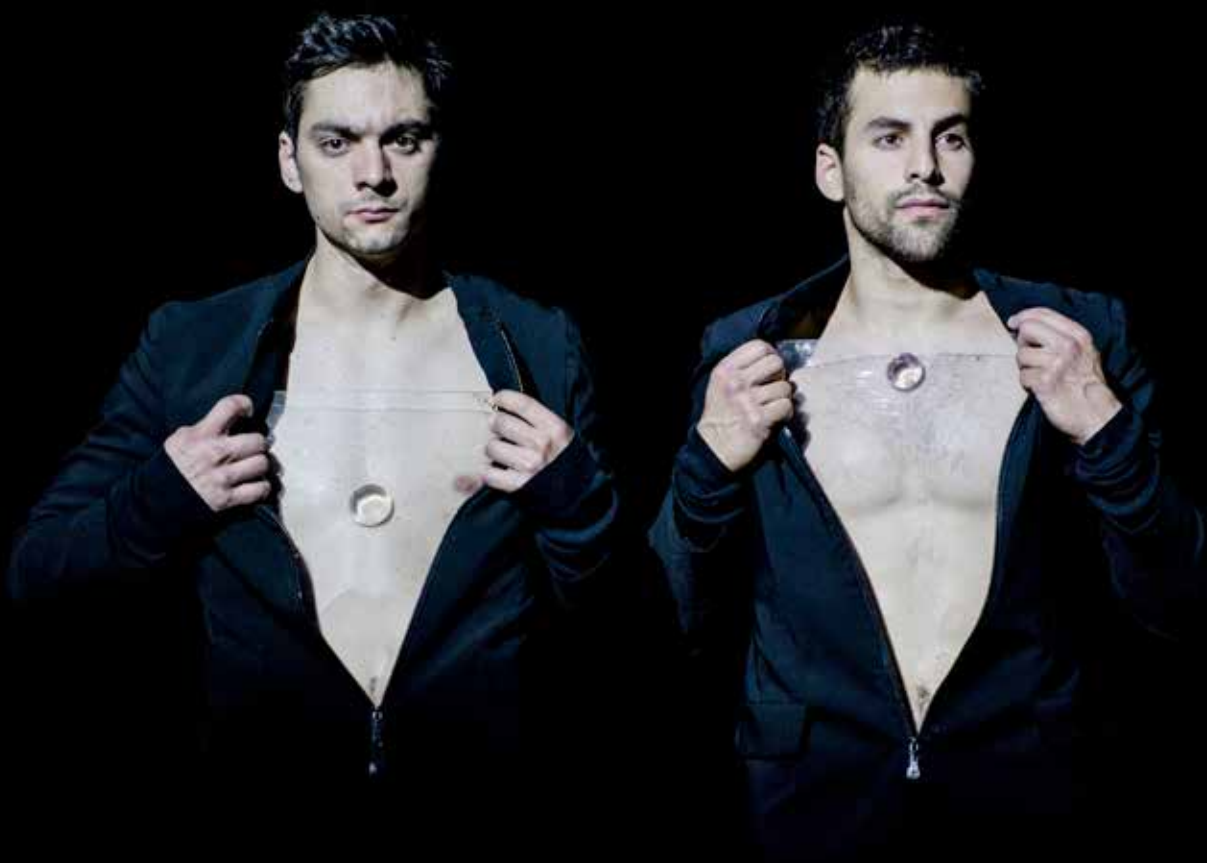


Фото: Джулиан. Мо.мер

Фото: Александр Шейн

## Машина времени

КИНОФИЛЬМ «ВМАЯКОВСКИЙ»  
РЕЖИССЕР АЛЕКСАНДР ШЕЙН  
TERRITORY

Урежиссера Александра Шейна, который работал над своим фильмом шесть лет, был выбор, какому фестивалю отдать для первого показа свой фильм — Московскому международному или Territoria, и он без раздумий выбрал второй. Понятно, что посвящен он трагической фигуре Маяковского, революции политической и поэтической, краху всех надежд. Но это только лишь один слой фильма, где художественная ткань и документальные съемки (например, единственной дочери Маяковского) смонтированы внахлест.

Другой — и может быть, даже более важный — актерское перевоплощение, проживание, вживание в роль, присвоение чужой судьбы, которая начинает

влиять на самого актера, точно меняет его на клеточном уровне, и тогда начинается игра «до полной гибели всерьез». Вот актеры собираются на первую репетицию, читку: в зубах сигареты, на столе вода, в руках листочки с незнакомым, не присвоенным еще, не легшим на язык текстом: «посылай реплику вперед, не в себя», «ну давай за Троцкого пока я почитаю»... Вот гримируются, всматриваясь через свое меняющееся изображение в зеркале, словно смотрят сквозь толщу времени и прозревают своего героя (перевоплощение в Маяковского Юрия Колокольникова — это что-то фантастическое). И вот уже «кончается искусство», и белый снег исчезает в черной дыре ночи, и ревнивая Лиля Брик (молодую играет Чулпан Хаматова, а старую, почти окаменевшую Брик, — Людмила Максакова, бесстрашно накидывая себе годы), забыв все женские обиды, колотит Маяковского за то, что не остался в Париже, не женился «на той», не спасся, прощаясь с живым, как с мертвым. И палач Агранов (Евгений Миронов) перетаптывается в темноте.

Этот уникальный фильм вернется к широкой публике в феврале будущего года — как часть художественного проекта «Атлас Маяковского» в Третьяковской галерее, соединившего кино, театр, арт-объекты и мультимедиа.

Фото: Александр Шейн

TERRITORY





Фото: Самюэль Рубио

### Последний путь

«НАСЛЕДИЕ. КОМНАТА БЕЗ ЛЮДЕЙ»  
ПРОЕКТ ШТЕФАНА КЭГИ И  
ДОМИНИКА ХУБЕРА  
ТЕАТР «ВИДИ-ЛОЗАНН»  
И КОМПАНИЯ «РИМИНИ ПРОТОКОЛ»  
TERRITОРИЯ

Место действия – маленький коридор с восемью комнатами. На потолке – карта мира, на которой вспыхивают и гаснут лампочки, обозначая чью-то смерть. Так вспыхивают, прежде чем угаснуть, звезды. Каждая дверь – портал в чью-то судьбу, точнее, в ее финал, о котором человек решил рассказать авторам этого проекта. Необходимые для рассказа личные вещи, артефакты, видео – и голоса людей, некоторые из которых уже умерли. Носитель генетической смертельной болезни и отец маленькой дочки, которая счастливо избежала отцовской участи и которая бы не родилась, если бы он узнал о своей болезни до ее рождения. Гражданин Швейцарии, этнический турок, который репетирует последний путь на родину (в Турции хоронят бесплатно). Секретарша, которая мечтала о сцене

всю жизнь, но прожила ее совсем не так, как хотелось, и только смерть выбирает себе сознательно. Сознательный джампер, который позаботился о своей семье на случай неудачного прыжка, а сам лавирует между предельным риском и полной рассудительностью. Европейская миссионерка, которая большую часть жизни провела в Африке, влюбилась в ее художников и не успела доделать фонд содействия им. Пожилые супруги-банкиры, готовые оставить солидную сумму внукам на образование в Германии, но... внуки живут в Бразилии и бросили учить немецкий при полном попустительстве родителей, а те и сами не прочь забыть язык нацистов, среди которых были и те банкиры. Нейробиолог, который занялся проблемой старения: дегенерации мозга и умирания чувств...

Ты переходишь из одной комнатки в другую, перебираешь африканские украшения и фотографии с документами, осматриваешь костюм джампера, ешь турецкий лукум и слушаешь истории, где люди продумывают свой последний путь, творят его, как финал романа, – и в этом творчестве обретают полную свободу и самих себя.

### Сопrotивление меморициду

«НОЧЬ В БИБЛИОТЕКЕ»  
РЕЖИССЕР РОБЕР ЛЕПАЖ  
TERRITОРИЯ

В начале было слово – книга канадского эссеиста Альберто Мангеля «Ночь в библиотеке». Затем Робер Лепаж увидел, как можно поставить этот текст к юбилею национальной библиотеки Квебека. Несколько зеленых столов с тяжелыми настольными лампами – для атмосферы, гарнитура с видео 360° и голос Евгения Миронова – для просмотра... спектакля или видеолекции, или грандиозной компьютерной игры, или экскурсии по виртуальному пространству. Место действия – 10 красивейших и совершенно разных библиотек мира, включая сгоревшую Александрийскую и выдуманную коллекцию капитана Немо, и даже космос. Зритель становится курсором в виртуальном пространстве: от него зависит, как он построит свой путь по красивейшим библиотекам мира.

Средневековая библиотека в Альпах – Касталия для посвященных: только монахам позволено прикасаться к книгам. Библиотека в Копенгагене: кладбище неучтенных книг и мятущихся призраков – и популярная читалка студентов с айпа-

дами, которых почему-то тянет именно сюда. Ноев ковчег библиотеки Мехико, укрытой на дне огромного высохшего озера, спрятанной от землетрясений, меняющей свои размеры по потребностям библиофонда. Библиотека Киото – сложная крутящаяся конструкция, хранящая рукописи и любовные записочки, спрятанная в природном раю. Библиотека Оттавы, где по ночам порхают птицы, слетевшие из уникального издания по орнитологии, где все они изображены в натуральную величину.

Одна из библиотек – в Сараево – показана в свой самый драматический момент, во время пожара, пожирающего книги (точь-в-точь как пожар в Александрии пожирал свитки, точно ничего не изменилось за последние тысячелетия), под звуки виолончели, на которой молодой музыкант играл прямо посреди бомбежек. В эти дни родился новый термин – меморицид, уничтожение коллективной памяти. Которому так мудро, эстетически совершенно и радостно сопротивляется Робер Лепаж вместе со всеми библиотеками мира.

Фото: Стефан Буржуа



## Рождение нации из духа театра

ЯН ФАБР  
«БЕЛЬГИЙСКИЕ ПРАВИЛА / БЕЛЬГИЯ ПРАВИТ»  
КОМПАНИЯ «ТРУБЛЯЙН»  
TERRITORIA

Четырехчасовой эпос и фарс Фабра – оммаж своей родине Бельгии. Стране, родившейся в театре (Бельгия родилась как нация, вдохновившись оперой «Немая из Портичи», после которой публика подняла восстание... и не встретила сопротивления). Стране, которую можно проехать и не заметить. В которой идет горизонтальный дождь, а вечно серое небо брюссельцы, вздыхая, называют голубым. Это веселый и горький, гневный и нежный, сумасшедший, остроумный спектакль, пропитанный духом свободы, – и от каких-то эстетических канонов, и от любых комплексов.

Действующие лица – валлонцы, фламандцы, брюссельцы, каждый со своей идентичностью и языком, как-то ужившиеся вместе.

Толстые ежи-театроведы (с ежами ассоциируют себя сами бельгийцы), и романтические голуби, помощники в войнах и любовных делах, участники спортивных состязаний (бельгийская традиция) и жертвы человеческого гурманства. Их оплакивает голубятник в сером халате, для которого голуби – посланцы иного, лучшего мира.

Персонажи, сошедшие с полотен великих бельгийских мастеров, – чета Арнольфини, воркующая о своей fermette и koterij (ферма и голубятня, символ бельгийской стабильности), магриттовские мужчины в котелках и обнаженная трехцветная женщина с картины «Черная магия», Маргарита Кнопф в белом платье с портрета

кисти Фернана Кнопфа, которой Фабр отдал исповедь юной содержанки «Розовых балетов» (постыдных оргий для богачей и политиков из прошлого века...

Мажоретки, Нуаро из Брюсселя, Жили из Биша, танцовщица в юбке из пивных бутылочек – участники всевозможных бельгийских карнавалов.

Амазонки в мехах и с автоматами – Бельгия часто проигрывала сражения или служила разменной монетой, Бельгия стала первым полигоном для газовой атаки (отравляющий газ иприт назван в честь печального города-кладбища Ипра), но научилась делать прекрасное оружие и суперуспешный бизнес на нем. Любовь к родине предполагает еще и антивоенный гнев на ее милитаризм, доказывает Фабр.

И, наконец, спортивная команда с тремя сводами правил – запретительных (их произносят в качалке с ящичками пивных бутылок), предписывающих (их выкрикивают на бегу с привязанными к спинам скелетами – фобиями и комплексами целой нации) и разрешительных (во время их оглашения бельгийцы размахивают национальными флагами, затем меняют их на белые флаги мира, а потом и вовсе отдают лучшим из людей – голубям). Запретительные правила смешны, нелепы, непонятны посторонним, разрешительные – очевидны. Можно смотреть в зеркало без стыда, верить в Европу, заботиться о пожилых, не пичкая их успокоительными, везде открыть школы, знать арабский, не будучи террористом, верить в диалоги, а не монологи, покончить с диктатурой, быть бельгийцем... Посмеявшись над суевериями своей нации, назвав и осудив ее вину, поняв ее мечты, оплакав ее беды, восхитившись ее творчеством, Фабр ни много ни мало воспекает поруганные и осмеянные общечеловеческие ценности, называет черное черным, а белое белым, собравшим все цвета радуги.



Фото: Кристине Калне

## Темноту надо освещать

«БЛИЖНИЙ ГОРОД» (ЛАТВИЯ)  
РЕЖИССЕР КИРИЛЛ  
СЕРЕБРЕННИКОВ  
TERRITORIA

Кирилл Серебренников, сидящий под домашним арестом, одновременно выпускающий премьеры и получающий международные награды, поприступовал и на фестивале Territoria, идею которого он когда-то и придумал, – своим обращением к студентам (вы можете выбрать авангардное искусство или традиционное, оба выбора правильные, главное – будьте честны перед собой) и показом его латвийской постановки «Ближнего города» по пьесе Мариуса Ивашкявичюса.

Сюжет связан с конкретным местом – мостом между шведским Мальмё и датским Копенгагеном: несколько минут в поезде – и ты уже в другой стране и можешь взглянуть на свой дом с другого берега, обмануться иллюзией новизны, убедиться, что от себя не убежишь. Реальный случай из

криминальной хроники, страшные фантазии о Русалочке и Карлсоне, обернувшиеся ролевой секс-игрой, заказанной пресыщенной богачкой, психологический триллер, где есть место и детским травмам, и взрослой тоске, и даже провокациям спецслужб, роковая случайность, закономерный исход – все это драматург мастерски рифмует и сплетает.

Кирилл Серебренников создает стильную атмосферу полнолуния – мертвенный ровный свет, прозрение, желание идти до конца и космическое одиночество. Разъединенные люди, сколько бы мостов они ни настроили, сколько бы ролевых игр и любовных сценариев они ни изобрели, ищут родственную душу, ищут свое потерянное «я», в этих поисках пускаются во все тяжкие, теряя самое дорогое и множа одиночество. Идут в этих поисках до рокового конца, который им еще предстоит осознать и принять.

Самые главные, пророческие слова Ивашкявичюс отдал самой черной героине: «В темноту не надо стрелять. Темноту надо освещать».



Фото: Вонг Бергманн

TERRITORIA



Фото: Доротея Тач

**Фома поверивший**  
 «MARTIN LUTHER PROPAGANDAPIECE»  
 РЕЖИССЕР БОРИС НИКИТИН  
 (ШВЕЙЦАРИЯ). NET

Швейцарский режиссер Борис Никитин, потомок известного русского путешественника Афанасия Никитина (по-русски, правда, не говорящий), в этом году уже дважды приехал в Россию – сначала на питерский фестиваль «Точка доступа», теперь на NET. В его спектакле есть герой (актер Мальте Шольц) и хор (Школы драматического искусства), а сам он больше напоминает лекцию или проповедь. Вначале оратор или проповедник сдержан, даже, кажется, слегка зануден, скуп на эмоции и скромно одет. Он призывает нас вспомнить один из главных евангельских сюжетов, вдохновивших немало гениальных живописцев, – об апостоле Фоме, который усомнился в Воскресении Христовом, пока Христос не предложил ему прикоснуться к его ранам. Фома, убеждает лектор, договаривая евангельскую недосказанность, отказался от достоверности, прежнего опыта и шагнул в неведомое, отдавшись вере.

В финале он раздет до белья и почти кричит о том, как любит нас, как любит нас всех, как это просто – любить своего ближнего, как мы можем убедиться в этом сами, просто повернувшись к соседу и признавшись, что любим его. Одни зрители смущенно переглядываются с соседями, другие понимающе кивают (дефицит, авитаминоз любви у нас все-таки чудовищный). Если в этот момент не следить за текстом и представить его себе одетым, оратор похож скорее на участника политического шоу, который находится в высшей точке противостояния с оппонентами и вполне агрессивен. Так что нам приходится выбрать, чему верить – глазам или ушам.

А между ними – крутой слалом из афоризмов, разглагольствований, парадоксов и песнопений, многослойная провокация, которая в конечном итоге провоцирует нас проверить себя, насколько мы склонны к манипуляциям, насколько готовы идти за другим, воскликнуть «Ты Господь мой и Бог мой», не дотронувшись до раны, или все же проверить все лично. «Я люблю вас... только не надо ко мне прикасаться», – завершает оратор.

**Ни ФБР, ни ФСБ, ни гестапо**  
 «НАИЗУСТЬ»  
 РЕЖИССЕР ТЬЯГО РОДРИГЕС  
 (ПОРТУГАЛИЯ). «NET»

Если текст выучат наизусть хотя бы 10 человек, его не сможет уничтожить ни одна спецслужба мира. На этой простой мысли, высказанной известным американским мыслителем Джорджем Стайнером на передаче «Красота и утешение», построен спектакль впервые показанного в России Тьяго Родригеса. Возить его по миру необычайно просто – в райдер входят 10 стульев, ящик с книгами, коробка португальской выпечки, и, собственно, все. Солистами становятся 10 добровольцев из зала, массовой – остальные. Роль шоумена, учителя или проповедника берет на себя сам обаятельный увалень Родригес. Мешая явь и вымысел, языки и переводы, личные воспоминания и цитаты из книг, он предлагает собравшимся выучить тридцатый сонет Шекспира – с голоса (сонет он старательно выучил по-русски). А в промежутках между заучиванием рассказывает истории. О Пастернаке, претенденте на следующий арест, которого отговаривали выступать на старшем писательском съезде 37-го года, а он все-таки

выступил – вышел и сказал: «Тридцать». И весь зал хором прочитал тридцатый сонет – и Пастернака не посадили. О Надежде Мандельштам, которая сохранила наследство мужа, приглашая домой по 10 человек и разучивая с ними его стихи. О еврейском раввине, заучившем Тору и Талмуд и предлагавшем своим сокамерникам «читать его» в концлагере. О Рэе Брэдбери, который записывал любимую радиопередачу, а когда ее не было, выдумывал свою – и стал писателем и написал «451 градус по Фаренгейту». О бабушке Кандиде, которая читала всю жизнь, а когда врачи спрогнозировали ее скорую слепоту, попросила выбрать ей книгу для заучивания наизусть, чтобы было что «почитать» себе в полной темноте. О причудах перевода слова «наизусть», которое на английский переводится как «выучить сердцем», а на португальский – «украсить». С его спектакля зрители уходят с веселым осознанием, что теперь владеют секретом ненасильственного сопротивления любой диктатуре и с тридцатым сонетом Шекспира в памяти.

А слепнущей бабушке Кандиде внук выбрал именно его сонеты.



Фото: Магда Биццаро

**У времени в плену**

«ВЕЛИКИЙ УКРОТИТЕЛЬ»  
РЕЖИССЕР ДИМИТРИС  
ПАПАИОАННУ (ГРЕЦИЯ). NET

Димитрису Папаиоанну, режиссеру, хореографу и художнику, пришлось этой осенью приезжать в Москву несколько раз – сначала на фестиваль Territoria, где была представлена его шестичасовая видеоинсталляция «Изнан-ка», а затем на NET с пластическим спектаклем «Великий укротитель», билеты на который раскупили за несколько часов. По признанию режиссера, у него есть два метода работы: один необходимый (когда почти все просчитано заранее), а другой – любимый (когда есть только дедлайн и бюджет, а дальше – езда в неведомое, импровизации, находки и создание композиции из того, что получилось). «Великий укротитель» (так древние греки называли время) создан именно вторым способом.

Место, где живет время, похоже на лунный пейзаж – холмистая поверхность, заваленная листьями фанеры. Под ними провалы, лагуны и кратеры: перформеры исчезают в них или стремительно катапультируются, плещутся в воде или закапываются в землю. Мертвая поверхность и живая плоть, бесконечный ровный свет Космоса и мерцание воды, рождение и смерть – эти контрапункты придают спектаклю устойчивость и особую чувственность. Образы, придуманные командой Папаиоанну, похожи на краткий цитатник изобразительного искусства. Вот античная статуя обнаженного юноши, а вот он лежит ногами к залу в позе «Мёртвого Христа» Мантеньи или в позе объекта из «Урока

NET



Фото: Юлиан Моммер

анатомии доктора Тульпа» Рембрандта в окружении эскулапов в белых воротничках, а вот они жадно жрут его требуху, давясь, как «Сатурн, пожирающий своих детей» Гойи. Но земля (назовем пока так эту фантастическую планету) рождает новые тела – тут, вдохновившись «Происхождением мира» реалиста Гюстава Курбье (которую более 100 лет прятали от зрителей, как художественную провокацию), Папаиоанну ставит куда более радикальное «рождение» мужских тел. По этой земле катится клубок тел, сплетенных так, что украсил бы Камасутру, бредет странное существо с женским торсом и приставленными к нему мужскими ногами, точно приснившееся Дали, или удирает на руках магриттовский господин, у которого из подошв ботинок торчат вырванные корни.

Но, пожалуй, самый сильный образ – почти полностью загипсованный юноша, который каким-то образом сумел доковылять до своего освободителя, и тот лаоконовскими объятиями любви ломает на нем гипс – и дарит ему свободу.

# Theatre Europe in Moscow

Olga FOUX

Photos courtesy of press-services of Territoria and NET festivals

TO SIT IN A LIBRARY AND FLY AROUND THE WORLD AT THE SAME TIME, TO HEAR CONFESSIONS OF DYING MEN, TO LEARN SHAKESPEARE'S SONNET BY HEART RIGHT DURING A PERFORMANCE, TO LISTEN TO A LECTURE ON THEATRE HISTORY BY A HEDGEHOG AND A PANEGYRIC BY A PIGEON, TO MAKE DECLARATIONS OF LOVE TO A RANDOM PERSON SITTING NEXT TO THEM – THOSE ARE JUST SOME OF THE THINGS THAT ADMIRERS OF TOPICAL THEATRE GOT TO DO THIS FALL WITHIN ITS ALMOST LIMITLESSLY EXPANDED BOUNDARIES. OUR REVIEW INCLUDES THE MOST SPECTACULAR EVENTS OF FALL FESTIVALS TERRITORIA AND NET.



Фото: Юлиан Моммер

Photo by Dorothea Tsch



Photo by Alexander Shein

### Time machine

FILM "VMAYAKOVSKY"  
DIRECTOR ALEXANDER SHANE  
TERRITORIA

Alexander Shane's film that he worked on for six years is dedicated to the tragic figure of Mayakovsky, political and poetic revolution, the collapse of all hope. But it is only one layer of the film, where the fictional fabric and documentary footage (for instance of Mayakovsky's only daughter) are spliced together in edit.

The other – and perhaps a more important one – is the actor's transformation, settling into the part, taking on someone else's fate, which begins to influence the actor himself, seemingly transforming him on a cellular level. Here the actors are coming together for the first rehearsal, the read-through: cigarettes in their mouths, water on the table, and sheets of paper in their hands with as yet unfamiliar text: "direct your lines forward, not inward", "alright, let me read Trotsky's part for now"... Here they're putting on makeup, staring at their changing reflection in the mirror, as if they are peering through the layers of time and seeing their protagonist

(Yuri Kolokolnikov's transformation into Mayakovsky is something surreal). And then "the art ends", and white snow disappears in the black hole of night, and the jealous Lilya Brik (Chulpan Khamatova in her youth, Lyudmila Maksakova in her old age), forgets all of her female resentments and begins to pommel Mayakovsky for not staying in Paris, for not marrying "that other one", for not saving himself, saying her farewell to the living as though he were already dead. And executioner Agranov (Yevgeny Mironov) shifts from foot to foot in the darkness.

This unique film will return to general public in February of next year as part of the "Mayakovsky's Atlas" art project at the Tretyakov Gallery, which brings together cinema, theatre, art theatre, art objects, and multimedia.



Photo by Alexander Shein

### The final journey

"NACHLASS. -PIÈCES SANS PERSONNES"  
A PROJECT BY STEFAN KAEGI AND  
DOMINIC HUBER. THÉÂTRE DE VIDY,  
LAUSANNE AND RIMINI PROTOKOLL  
TERRITORIA

The setting is a small hallway with eight rooms. On the ceiling there's a map of the world, where little lights flicker and go out, signifying someone's death. Every door is a portal into the final act of someone's life that each of these people chose to talk about with the authors of this project. Personal items essential for telling the story, artifacts, videos and voices of people, some of whom are already dead. A carrier of a terminal genetic disease and father of a little girl, who was lucky enough to escape her father's fate and who wouldn't have been born had he found out about his illness prior to her birth. A citizen of Switzerland, ethnic Turk, who rehearses his final journey to his native country (funerals are free in Turkey). A secretary, who dreamed of being on stage her whole life, but whose life worked out very differently from what she wanted, and who finally makes a conscious

choice when it comes to her death. A conscientious jumper, who made provisions for his family in the event a jump goes awry, while he navigates between ultimate risk and complete sensibility. A European missionary, who spent most of her life in Africa, fell in love with its artists and didn't have time to fully establish an assistance fund for them. Bankers, husband and wife, who are prepared to leave a hefty sum to their grandchildren to study in Germany, but... the grandchildren live in Brazil and abandoned their study of the German language with complete acquiescence of their parents, who themselves wouldn't mind forgetting the language of the Nazis that those same bankers were once as well. A neurobiologist who began working on the issue of aging: the deterioration of the brain and the dying of feelings...

You move from one little room to the next, look through African ornaments and photos with documents, examine the jumper's costume, eat Turkish delight, and listen to the stories where people plan out their final journey, create it like the finale of a novel, and through that creative work they discover ultimate freedom and themselves.



Photo by Samuel Rubio

**Resisting memoricide**  
**“THE LIBRARY AT NIGHT”**  
 DIRECTOR ROBERT LEPAGE  
 TERRITORIA

First came the word – “The Library at Night” is a book by Canadian essayist Alberto Manguel that Robert staged for the anniversary of Quebec’s Bibliothèque et Archives nationales. Several green tables with heavy desk lamps – for the ambiance, headsets with 360° video and Yevgeny Mironov’s voice – for watching... a production or a video lecture, or a massive computer game, or a tour through the virtual space. The setting is ten of the world’s most beautiful and completely different libraries, including the burned down library of Alexandria and the fictitious collection of Captain Nemo, and even space. Audience members become cursors in the virtual space: they determine how their journey through the world’s most beautiful libraries will be constructed.

Medieval library in the Alps – Castalia for the initiated: the monks are the only ones allowed to touch the books. A library in Copenhagen: a cemetery of uncounted

books and restless phantoms – and a popular reading room for students with iPads, who somehow find themselves drawn here. The library in Mexico City, a Noah’s Ark of a library, hidden away on the bed of a dried up lake, sheltered from earthquakes, changing its dimensions in accordance with the needs of the library collection. The library in Kyoto – a complex structure that holds manuscripts and love notes, hidden away in the nature’s paradise. The library of Ottawa, where birds flutter about at night, having flown out of the unique publication on ornithology where they are depicted in actual size.

One of the libraries – in Sarajevo – is shown at its most dramatic moment in time, during a fire that was consuming the books (just like the fire in Alexandria consumed the scrolls, as if nothing had changed in the last millennia), to the sounds of a cello that a young musician was playing right in the middle of the bombings. A new term was born in those days – memoricide, the annihilation of collective memory. Which Robert Lepage along with all the libraries of the world resists in such a wise, aesthetically perfect and joyful manner.



TERRITORIA

**The birth of a nation out of the spirit of theatre**

JAN FABRE  
**“BELGIAN RULES/BELGIUM RULES”**  
 TROUBLEYN COMPANY  
 TERRITORIA

Fabre’s four-hour-long epic and farce – an homage to his native Belgium. A country that was born in theatre (the birth of Belgium, as a nation, was inspired by the opera “The Mute of Portici”, following which the audience revolted... and met no resistance). A country that one can pass through without noticing. Where the rain comes down in horizontal sheets, and the sky is always gray, even though the Brusselians sigh and call it blue. Cheerful and bitter, angry and tender, crazy, witty, imbued with the spirit of freedom – from any aesthetic canons and from any hang-ups.

The cast includes the Walloons, the Flemish, the Brusselians, all with their own identity and language yet somehow managing to coexist.

Fat hedgehog theatre historians (Belgians associate themselves with hedgehogs), and romantic pigeons, assistants in war and matters of the heart, participants of sports events (a Belgian tradition), and victims of human Epicureanism. They are being mourned by a pigeonier in a gray robe, who views pigeons as messengers from another, better world.

Characters that came down from the paintings of great Belgian masters, Magritte’s men in bowler hats and the naked tricolor woman from the painting “Black Magic”, Marguerite Khnopff in a white dress from a painting by Fernand Khnopff, whom Fabre gave the confession of a young mistress of the “Pink Ballets”

(the shameful orgies for the rich and the politicians of the last century) ...

Majorettes, Noirots from Brussels, Gilles from Binche, a dancer in a skirt made out of beer bottles– they are participants of various Belgian carnivals.

The Amazons dressed in furs and carrying assault rifles – Belgium often lost battles or served as political currency, Belgium became the first test site for a poison gas attack (yperite, a poison gas, is named after the desolate cemetery town of Ypres), but it learned to make an excellent and a super successful business out of it. Love for one’s motherland also implies anti-war anger at her militarism, demonstrates Fabre.

And, finally, a sports team with three sets of rules – prohibitory (they are declared in a rocker with crates of beer bottles), directive (they are shouted out on a run with skeletons tied to the backs – phobias and complexes of the entire nation), and permitting (when they are announced, Belgians wave national flags, then exchange them for the white truce flags, and then give them away completely to the best among the humans – the pigeons). Prohibitory rules are ridiculous, absurd, incomprehensible to outsiders, while permitting ones are obvious. You can look in the mirror without shame, believe in Europe, care for the elderly without force-feeding sedatives to them, open schools everywhere, know Arabic without being a terrorist, believe in dialogues rather than monologues, end the dictatorship, be a Belgian...

Having laughed at his nation’s superstitions, having called out and condemned its guilt, having understood its dreams, having cried over its misfortunes, while admiring its creative work, Fabre does nothing short of singing praises to the desecrated and ridiculed universal human values, calling black – black, and white – white that pulled together all the colors of the rainbow.

Photo by Wonge Bergmann



TERRITORIA

## Darkness needs light

“CLOSE CITY” (LATVIA)

DIRECTOR KIRILL SEREBRENNIKOV  
TERRITORIA

**K**irill Serebrennikov, sitting under house arrest, simultaneously releasing premieres and receiving international awards, also managed to attend the Territoria festival, whose concept he was, in fact, responsible for creating – with his address to the students (you can choose avant-garde art or traditional one, both choices are correct, the important thing is to be true to yourself) and the showing of his Latvian production of “Close City” based on a play by Marius Ivaškevičius.

The plot is tied to a specific place – a bridge between the Swedish city of Malmö and the Danish city of Copenhagen: several minutes by train and you’re already in another country and you can look at your house from another shore, to fall for the illusion of novelty, to see for yourself that



Photo by Kristaps Kalns

you can’t run away from your own self. A true story from crime news, terrifying fantasies about the Mermaid and Karlsson that turned into a role-playing sex game ordered by a sated rich woman, a psychological thriller that has room for childhood traumas and adult longing, and even incitements by intelligence services, a fatal contingency, a logical conclusion – the playwright skillfully sets all of it to rhyme and weaves together.

Kirill Serebrennikov creates a stylish atmosphere of full moon – a deathly, steady light, insight, desire to continue to the end and cosmic loneliness. Disconnected people, no matter how many bridges they build, how many role plays and love scenarios they come up with, are looking for kindred spirits, looking for their lost “me”, and on that quest they go to all lengths, losing what matters most and magnifying their loneliness. On this quest they go toward their doom, which they have yet to acknowledge and accept.

Ivaškevičius gave his most important, prophetic words to the blackest heroine: “You shouldn’t fire into the darkness. Darkness needs light.”



Photo by Kristaps Kalns

TERRITORIA



Photo by Kristaps Kalns

## Thomas the Believer

“MARTIN LUTHER PROPAGANDAPIECE”

DIRECTOR BORIS NIKITIN  
(SWITZERLAND). NET

**S**wiss director Boris Nikitin, descendant of the famous Russian traveler Afanasy Nikitin (who, incidentally, doesn’t speak Russian), visited Russia twice this year already – first for the St Petersburg Access Point festival and now for NET. His production has a protagonist (actor Malte Scholz) and a choir (they made do with the local choir from the School of Dramatic Art), and it rather resembles a lecture or a sermon. At first the speaker or the preacher is reserved, even a bit boring, emotionally closed off and modestly dressed. He calls on us to remember one of the most important evangelical stories that inspired quite a few brilliant artists – about the Apostle Thomas who doubted the Resurrection of Christ until Christ offered him to touch his wounds. Thomas, the lecturer insists, finishing up what the gospel left unspoken, cast aside authenticity and prior experience, and took a step into the unknown, surrendering to faith.

In the finale, he’s undressed down to his underwear and all but screams about how much he loves us, how much he loves all of us, how easy it is to love one’s neighbor, how we can see for ourselves simply by turning to our neighbor and telling them that we love them. Some audience members exchange embarrassed looks with their neighbors, others give each other understanding nods (after all, we have an enormous deficit, insufficiency of love here). If you don’t follow the text at that point and imagine him fully dressed, the speaker looks more like a participant of a political show who finds himself at the peak of the showdown with his opponents and is, thus, quite aggressive. So we have to choose what to believe – our eyes or our ears.

And between them is a sharp slalom of maxims, bloviations, paradoxes, and chanting, a multilayered provocation that ends up pushing us to test ourselves to see how susceptible we are to being manipulated, how prepared to follow another, to exclaim “You are my Lord and my God” without touching the wound, or to verify everything for ourselves after all.

“I love you... only, please, don’t touch me,” concludes the speaker.



Photo by Dorothea Tuch





Photo by Magda Bizzaro

**Neither FBI, nor FSB,  
nor Gestapo**  
“BY HEART”  
DIRECTOR TIAGO RODRIGUES  
(PORTUGAL). NET

If at least ten people learn a text by heart, no intelligence service in the world will be able to destroy it. That simple idea, articulated by famous American thinker George Steiner during the show “Beauty and Consolation”, serves as the basis for Tiago Rodrigues’s production, which was shown in Russia for the first time. It is exceptionally easy to travel with this production – the rider includes ten chairs, a case of books, a box of Portuguese baked goods, and that’s about it. Ten volunteers from the audience become lead performers, the rest are extras. The charming bumpkin Rodrigues himself takes on the part of showman, instructor or preacher. Mixing together reality and fiction, languages and translations, personal recollections and quotes from books, he offers those gathered on stage to learn Shakespeare’s sonnet 30 by heart – by ear (he painstakingly learned the sonnet in Russian). And in the pauses between learning

he tells stories. About Pasternak, a candidate for the next arrest, whom others tried to talk out of speaking at the Congress of Writers of 1937, but he spoke there anyway – came out and said, “Thirty.” And the entire audience in unison read sonnet 30, and Pasternak wasn’t arrested. About Nadezhda Mandelstam, who preserved her husband’s legacy by inviting ten people at a time to her home and learning his poems with them. About a Jewish rabbi, who learned Torah and Talmud by heart and offered his fellow inmates to “read him” at the concentration camp. About Ray Bradbury, who would record his favorite radio show, and, when it wasn’t on, would create one of his own – and became a writer, and wrote “Fahrenheit 451.” About the old lady Candida, who read all her life, and, when the doctors predicted her imminent blindness, asked to choose a book for her to learn by heart so she would have something “to read” in complete darkness. About the quirks of translating the concept of memorization, which in English is translated as “learn by heart”, while in Portuguese as “decorate.” Audience members leave his production with a happy realization that they now know the secret of nonviolent resistance to any dictatorship and with Shakespeare’s sonnet 30 committed to memory.

As for grandma Candida, who was losing her vision, it was, in fact, Shakespeare’s

**A captive of time**

“THE GREAT TAMER”  
DIRECTOR DIMITRIS PAPAIOANNOU  
(GREECE). NET

Ancient Greeks referred to time as the great tamer. The place where “the great tamer” lives resembles lunar landscape – a hilly surface cluttered with sheets of plywood. Below them are drops, lagoons and craters: performers disappear in them or swiftly catapult themselves, splash in the water or bury themselves in the dirt. Dead surface and living flesh, infinite smooth light of the Cosmos and the shimmer of the water, birth and death – these counterpoints give the production stability and a special kind of sensuality. Images created by Papaioannou’s team resemble a concise quote book of fine arts. Here’s an antique statue of a nude young man, and here he lies with his feet to the audience mimicking the pose of Mantegna’s “Dead Christ”, or the pose of the object from Rembrandt’s “Anatomy Lesson of Dr. Nicolaes Tulp”, surrounded by doctors in white shirt collars, and here they are greedily devouring his entrails, choking on it like Goya’s “Saturn Devouring His Son.” But the earth bears new bodies – here, inspired by realist Gustave Courbet’s “L’Origine du Monde” (which was hidden from spectators for over a hundred years, dubbed an artistic provocation), Papaioannou stages a far more radical “birth” of male bodies. A tangle of bodies rolls along this earth, intertwined in such a manner that would have enriched Kamasutra; along plods a strange creature with female torso with male legs affixed to it – like something out of Dali’s dream, or Magritte’s gentleman is scampering away on his hands and ripped out roots can be seen sticking out of the soles of his boots.

But perhaps the strongest image is that of a young man, virtually completely encased in a cast, who somehow managed to hobble over to his liberator and the latter breaks his cast with Laocoön’s embrace of love and gives him freedom.



Photo by Julian Mommert

Photo by Julian Mommert

